

Екатерина Владимировна Шашкова

Многофункциональный региональный центр прикладных квалификаций
«Техникум энергомашиностроения и металлообработки», «МРЦПК “ТЭИМ”»,
Российская Федерация, 195197, С.-Петербург, ул. Жукова, 7
Schaschkowa-E-W@yandex.ru

**«МЫ ВОЗВРАЩАЕМ ПОЭТУ ЕГО ДОМ...»
(О ПЕРЕПИСКЕ В. Е. ЕВГЕНЬЕВА-МАКСИМОВА И О. В. ЛОМАН.
ИЗ СОБРАНИЯ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ИРЛИ (ПУШКИНСКОГО ДОМА) РАН)**

В статье на материале писем наглядно демонстрируются основные виды работ, которые велись в музее на Литейном, 36 в начале 1950-х годов. Представленная переписка В. Е. Евгеньева-Максимова и О. В. Ломан раскрывает проблемы музея Н. А. Некрасова в Ленинграде, освещая, таким образом, ряд страниц его истории и показывая всю значимость музейной работы для В. Е. Евгеньева-Максимова, известного ученого, стоявшего у истоков создания музея. Библиогр. 3 назв.

Ключевые слова: поэт, ученый, музей, переписка, музейная деятельность, некрасоведение.

Ekaterina V. Shashkova

Multifunctional Regional Centre of Applied Qualifications
“College of Engineering and Metal Working”,
7, Zhukova st., St Petersburg, 195197, Russian Federation
Schaschkowa-E-W@yandex.ru

**“WE ARE RETURNING TO THE POET HIS HOUSE ...”
(ON THE CORRESPONDENCE OF V. E. EVGENYEV-MAKSIMOV WITH O. V. LOHMAN.
FROM THE COLLECTION OF THE MANUSCRIPT DEPARTMENT OF THE PUSHKIN HOUSE
(PUSHKINSKY DOM), RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)**

The article demonstrates the main activities that took place at the museum on Liteiny Prospekt 36 in the early 1950s. The correspondence of V. E. Evgenyev-Maksimov with O. V. Lohman discloses the problems at the apartment-museum of Nikolay Nekrasov in Leningrad. This sheds some light upon several chapters of museum’s history and shows the significance of museum work for the well-known scholar who was behind its creation. Refs 3.

Keywords: poet, scientist, museum, correspondence, museum activities, Nekrasov-studies.

В автобиографии Владислава Евгеньевича Евгеньева-Максимова, известного советского ученого, доктора филологических наук, основоположника отечественного некрасоведения, от 3 апреля 1943 г. читаем: «... в настоящее время мое внимание как научного работника привлекают преимущественно две темы: 1. Жизнь и творчество Некрасова и 2. История русской журналистики в XIX веке» [Кафедра истории журналистики, с. 65]. А уже через три года эти две темы тесно переплетутся в его судьбе. Являясь основателем кафедры истории русской журналистики ЛГУ, в 1946 г. Евгеньев-Максимов становится ее первым заведующим.

Творчество Н. А. Некрасова было основным объектом исследований Евгеньева-Максимова. Свои знания он щедро передает студенческой аудитории на лекциях и в семинарах. Заслугой ученого является решение еще одного немаловажного вопроса — создание музея Н. А. Некрасова.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

«Мы возвращаем поэту его дом...» — слова В. Е. Евгеньева-Максимова, которые он произнес на церемонии открытия музея-квартиры Н. А. Некрасова 5 декабря 1946 г. в доме на Литейном, 36.

Известно, что еще в конце двадцатых годов ушедшего столетия ученый пришел к убеждению, что музей нужно перевести в квартиру, в которой жил и скончался Некрасов. В 1936 г., Евгеньев-Максимов начал хлопоты о передаче Пушкинскому Дому квартиры Н. А. Некрасова для устройства музея. В 1938 г. его усилия увенчались успехом: вышло постановление Ленсовета о расселении жильцов и передаче части помещений 2-го этажа для нужд музея. И только в начале 1946 г. в израненной войной городе началось создание музея Н. А. Некрасова. Деятельность Евгеньева-Максимова в этом деле была активной: встреча с рабочими, занятыми ремонтом дома; создание, по просьбе дирекции Пушкинского Дома, экспозиционного плана будущего музея; при этом ученый замечает, что хотя бы три комнаты обязательно следует воссоздать как мемориальные (приемная, кабинет, спальня). Работа продолжилась и в последующие годы.

Переписка Владислава Евгеньевича Евгеньева-Максимова и Ольги Владимировны Ломан, организатора и первого ученого хранителя музея Н. А. Некрасова, которую мы хотим осветить, публикуется впервые и демонстрирует основные виды работ, которые велись в музее на Литейном в начале 1950-х гг.: исследование архивов — как для нужд экспозиции, так и для научных трудов, написание статей и брошюр, взаимодействие с художником, оформлявшим музей, собирательская работа и т. д. По сути дела, весь спектр музейной деятельности нашел свое отражение в переписке. В то же время она является существенной частью того знания, которое называют социокультурным аспектом эпохи, того, чем жила определенная часть советского общества, интересов и устремлений, обыкновений и стереотипов.

Знаменательно, на наш взгляд, что переписка начинается с вопроса о «Некрасовском сборнике» (рабочее название — «Труды конференции»), которому В. Е. Евгеньев-Максимов отдал немало времени и сил. В первом своем письме от 07.06.1950 он напоминает о необходимости срочной доставки статьи для этого издания:

Глубокоуважаемая Ольга Владимировна, “Труды Конференции” я сдал, но без Вашего доклада, ибо, несмотря на все мои напоминания, Вы так мне и не доставили его. Но в оглавление “Трудов” этот доклад мною введен, а потому вы имеете возможность в ближайшие дни присоединить его к другим докладам [ИРЛИ (РАН). Ф. 719. Оп. 2. Ед. хр. 17].

На это О. В. Ломан реагирует довольно быстро (письмо от 08.06.1950):

Глубокоуважаемый Владислав Евгеньевич! Я настолько виновата перед Вами, что нет мне ни оправдания, ни прощенья! Только при Вашей святой доброте и доброжелательству к людям возможно такое терпение, с каким Вы отнеслись ко мне. Всякий другой давно бы махнул рукой на столь нерадивого человека, как я.

Дорогой Владислав Евгеньевич! Я это все очень хорошо понимаю и очень, очень ценю. Статья моя перепечатана только сегодня. Один экземпляр я приложу к “Трудам...”, а второй, если разрешите, привезу Вам в Прибытково. В Институте сейчас все заняты Всесоюзной Пушкинской конференцией и “Труды...” еще полежат у технического редактора [Там же. Ед. хр. 257].

Среди авторов, которых привлек В. Е. Евгеньев-Максимов, были как маститые ученые, так и начинающие исследователи. Желание обозначить основные направления дальнейшего развития некрасоведения отражено в тематике статей, где музейному и краеведческому направлениям уделено немало места (помещены статьи о Карабихе и о Петербурге и две статьи О. В. Ломан — о музее на Литейном и о Чудовской Луке).

Переписка В. Е. Евгеньева-Максимова и О. В. Ломан хронологически ограничивается датами 07.06.1950–22.11.1954, в основном она затрагивает проблемы музея Н. А. Некрасова в Ленинграде и таким образом освещает ряд страниц его истории. Конечно, эта переписка выглядит довольно неровно, велась она, как можно понять, в силу своеобразной необходимости. Казалось бы, люди живут в одном городе — к чему еще эпистолярный жанр? Но благодаря переписке О. В. Ломан договаривалась о встречах с ученым для консультации, готовила заранее вопросы. Порою В. Е. Евгеньев-Максимов бывал «недостижим» из-за своего пребывания на даче в Прибыткове, приходилось заранее предупреждать о своем приезде и т. д. Эти письма — «осколки» непосредственного общения, они передают и атмосферу работы, и основные интересы корреспондентов.

Некоторые мероприятия с точки зрения современной музейной работы выглядят необычными, так, например, музей отмечал и годовщину смерти поэта. 6 января 1951 г. О. В. Ломан пишет: «Пригласительные билеты на 8/І были готовы только вчера поздно вечером. Сегодня с утра спешим Вам их переправить. Приедете ли Вы к нам на 8/І? [...] К 8/І я обновляю и дополняю в музее раздел “Русские женщины”. Вновь сделала тему “Дедушка» [ИРЛИ (РАН). Ф. 719. Оп. 2. Ед. хр. 257].

О переменах в экспозиции и дополнениях в ней говорит и письмо от 24.01.1951: «Очень тесно у нас стало на Некрасовской квартире: Некрасову все время приходится тесниться, чтобы дать место то Белинскому, то Чернышевскому, то Салтыкову-Щедрину» [Там же].

«Экспозиционные новости» самые разнообразные, они обсуждаются наряду с новостями иного плана, как в письме от 08.06.1951:

В музее у нас сейчас очень тихо. Экскурсий совсем нет, да и одиночных посетителей мало. Наконец, шьют нам занавески на окна у двери. Это, конечно, далеко не то, что было у Некрасова (репс вместо шелка), но и то хорошо. Все-таки будет уютнее, жилым духом запахнет. Летом будем несколько обновлять экспозицию. Кое-что уже сделано [Там же].

«Тишина» (когда ведется невидная, подспудная работа) сменяется оживлением: «В музее все благополучно, экскурсий сейчас много. В Институте я бываю редко, почти все время провожу на Некрасовской квартире. К 1 октября готовлю обновление экспозиции по теме “Некрасов и современность”» (19.09.1951) [Там же]. Однако «обновление экспозиции по теме “Некрасов и современность”» оказалось делом не таким быстрым, как планировалось.

26 октября 1951 г. О. В. Ломан посылает В. Е. Евгеньеву-Максимову отпечатанный «Некрасовский сборник», спрашивает советов по теме «Некрасов и современность»:

Разрешите мне прибегнуть к Вашей помощи еще раз по вопросу экспозиции темы “Некрасов и современность”.

Я думаю, в этом разделе следует показать работу советских ученых, и Ваши в первую очередь, над собиранием текстов Некрасова, освобождением их от цензурных искажений, над изучением жизни и творчества Некрасова. Что Вы мне тут посоветуете?

Еще вопросы:

- 1). Не было ли какого-либо правительственного постановления в 1921 году?
- 2). Где можно найти цифровые данные об изданиях Некрасова в дореволюционное время и теперь.
- 3). Нет ли высказывания какого-нибудь большого человека о живучести традиций Некрасова сейчас (кроме слов А. А. Жданова).

Если их нет, нельзя запросить, скажем, Фадеева или Тихонова, еще лучше — Ворошилова.

Очень трудно с изобразительным материалом. Я Вам буду бесконечно благодарна, если Вы что-нибудь надумаете по поводу этой темы.

Если Вы разрешите, я приду к Вам за советами, когда Вам это будет удобно [Там же].

Эмоциональным было обсуждение места установки памятника Некрасову, по этому поводу О. В. Ломан пишет 23 октября 1952 г.:

По поручению Института я была на заседании Ученого Совета комитета по делам архитектуры, где обсуждался вопрос о месте памятника Некрасову. Архитектор Эйсмонд вторично выступил с предложением поставить памятник на Литейном (в скверике у “парадного подъезда”). Его предложение вторично забраковали.

Я взяла слово и рассказала о Вашем предложении — Сенная, и о нашем общем — в районе ликвидируемого Новодевичьего кладбища. Оказывается, архитектор Эйсмонд, которому поручено проектировать памятник, ввел нас (институт и нас в частности) в заблуждение: Он категорически заявил, что проспект им. Сталина¹ исключается. Ученый Совет, наоборот, прислушался внимательно к предложениям института и заявил, что район быв. Новодевичьего кладбища очень подходит. Поручили подготовить новый проект. Совершенно правильно указали, что в скверике на Литейном — памятник будет зажат домами, будет выглядеть интимно вроде памятнику Пушкину во дворе квартиры на Мойке. Прения по этому вопросу были очень большие. Вся беда в том, что Эйсмонд против пр. им. Сталина, а главное, — что он не любит Некрасова.

Пока мы ожидали начала заседания, он все мне проповедовал, что Некрасов был картежник и плохой поэт и т. д. в этом роде. Прямо как будто из 19 века человек выскочил, из враждебного великому поэту лагеря!

Все это я Вам пишу, чтобы Вы были в курсе дела и, если Вам позвонят оттуда, — поддержали вариант с площадью на проспекте Сталина [ИРЛИ (РАН). Ф. 719. Оп. 2. Ед. хр. 257].

Еще одна проблема, которая волновала и музейных сотрудников, и В. Е. Евгеньева-Максимова, — это передача музея на Литейном из ведения АН СССР Министерству культуры. Конечно, такие перемены предполагают и новое начальство, а отсюда и кадровые перемены, и, возможно, новые направления работы, и расставания со старыми и т. п. Об этом О. В. Ломан пишет 16.08.1953:

¹ Название Московского проспекта с 1950 по 1956 год.

Очень всех нас тревожит вопрос о передаче наших музеев Министерству Культуры. Не думаю, чтобы нам было там лучше. Не захирели бы наши мемориальные музеи? Не могу понять, чем помешали наши музеи Академии Наук? Я думаю, Владислав Евгеньевич, что и Вам это неприятно: Вами созданный и выпестованный музей куда-то отходит. Может быть можно было бы написать президенту — к Вашему мнению прислушались бы. [...] Я не представляю, как это будет с отторжением Некрасовской квартиры. Будут ли, как раньше устраиваться Всесоюзные конференции и т. д. Все не ясно и странно. А без Вас — мы окончательно пропали [Там же].

Эта тема поднималась неоднократно. Однако перемены в конце концов произошли и оказались не такими уж страшными:

У нас жизнь постепенно налаживается. В начале было довольно тяжело: в новом учреждении не было денег, не платили зарплаты, отключили в музее телефон за неплату. Теперь мы разбогатели, получили сразу 2 зарплаты, телефон звонит и начинаем даже кое-что приобретать. Наметился обширный и интересный план работы. Наконец, удалось включить в план путеводитель. Я с большим удовольствием думаю о работе над ним. Обещают, что обогатим “советский раздел” — собираемся купить вазу завода им. Ломоносова с портретом Некрасова, скульптуру Криворучского², папехские коробки и т. д. [Там же].

Продолжилась работа над разделом «Некрасов и современность», причем со значительным «своеобразием»:

Признаться сказать, изрядно я измучилась сейчас. После того, как проектировщицы и мастера Ленизо отказались у нас работать по созданию “Советского отдела”, мне приходится самой действовать: раздобывать, просить, требовать, руководить оформлением и т. д. Здесь много трудностей и не без курьезов. Как я добывала и перевозила мраморный (тяжеленный!) бюст Некрасова — это материал для “Крокодила”. Но это надо рассказать в лицах! Достаточно сказать, что выгружали и тащили наверх в музей... постовые милиционеры, которые хотели нас оштрафовать за неправильный поворот машины с Литейного на ул. Некрасова. Я им внушила, что штрафуют они каждый день, а доброе дело делают значительно реже и, чем штрафовать, лучше пусть помогут отнести бюст Некрасова в музей... Они, оказывается, не знали о существовании музея и охотно нам помогли. Потом осматривали музей (15.07.1054).

В том же письме О. В. Ломан пишет о планируемом музейном сборнике: «Об этом сборнике мне очень нужно поговорить с Вами, Владислав Евгеньевич. Мы будем Вас просить его возглавлять. В основном он должен быть “Музейным”, но статьи общего порядка, конечно, в нем также должны иметь место» [Там же]. Идея эта не была реализована, но показательна сама потребность иметь еще одно самостоятельное некрасоведческое издание.

В письме от 05.07.1954 О. В. Ломан в очередной раз обращается к своим хлопотам по работе над «Советским отделом»:

Но главная моя забота — “Советский отдел”. Надо ремонтировать комнату, для него предназначенную; заказывать постаменты, щиты, витрины; торговаться с художниками-оформителями; раздобывать недостающий материал. Под угрозой мой отпуск. Очень много неприятностей. Все это наладится. Художники нахватили вся-

² Петр Моисеевич Криворучкий (1920–1987) — советский скульптор, живописец, график. Автор скульптуры «Некрасов Н. А. с собакой».

кой работы и, получив деньги за работу у нас, теперь оформляют какие-то ясли при заводе, а наша срочная работа стоит!

Для “Советского отдела” я раздобыла много нового. Написала во все крупные библиотеки Союза и теперь в ответ на мои просьбы мы получаем Некрасова на языках народов СССР и другие интересные книги [ИРЛИ (РАН). Ф. 719. Оп. 2. Ед. хр. 257].

Рис. 1. В. Е. Евгеньев-Максимов со студентами ЛГУ, участниками некрасовской конференции, в музее Н. А. Некрасова. 1951 г. (из фондов музея Н. А. Некрасова. С.-Петербург)

Письма самого В. Е. Евгеньева-Максимова кратки, их немного, его интересует обычно экспозиционная работа, научные изыскания. По-видимому, основные его суждения сообщались в устной форме. Его заслуги всем сотрудникам музея представляются выдающимися, — пожалуй, полнее всего это выразилось в поздравлении, направленном ученому в связи с его 70-летием:

Дорогой Владислав Евгеньевич!

Сегодня в День Вашего семидесятилетия нам, Вашим друзьям и сослуживцам, хочется от всей души поздравить Вас и пожелать Вам здоровья, сил, душевной бодрости и долгих лет жизни.

Нам выпало большое счастье работать с Вами, учиться у Вас. Вы постоянно заражали нас своим энтузиазмом своей горячей любовью к Некрасову. С неутомимой энергией изучаете Вы, вот уже полвека, жизнь и творчество великого поэта революционной демократии, с той же энергией пропагандируете Вы его среди тысяч читателей и слушателей. Мы никогда не забудем сколько сил, волнений стоило Вам создание и открытие Некрасовского музея, который можно по справедливости назвать Вашим детищем. И никогда Вы не отказывали никому из нас в консультации, совете, помощи, ласковом слове.

Мы горячо благодарим Вас и желаем, чтобы Вы долго-долго были с нами, наш дорогой учитель, наш добрый друг.

18 сентября 1953 [Там же].

Научная деятельность В. Е. Евгеньева-Максимова многогранна и плодотворна. Это яркий пример самоотверженного и бескорыстного служения памяти великого поэта Н. А. Некрасова.

Литература

- ИРЛИ (РАН). Ф. 719. Оп. 2. Ед. хр. 257 — *Архив В. Е. Евгеньева-Максимова*. ИРЛИ (РАН). Рукописный отдел. Ф. 719. Оп. 2. Ед. хр. 257. 26 лл. Письмо О. В. Ломан В. Е. Евгеньеву-Максимову.
- ИРЛИ (РАН). Ф. 719. Оп. 2. Ед. хр. 17 — *Архив В. Е. Евгеньева-Максимова*. ИРЛИ (РАН). Рукописный отдел. Ф. 719. Оп. 2. Ед. хр. 17. 14 лл. Письмо В. Е. Евгеньева-Максимова О. В. Ломан.
- Кафедра истории журналистики 2006 — *Кафедра истории журналистики: летопись жизни и деятельности*. Жирков Г. В. (ред.). СПб.: Роза мира, 2006. 65 с.

Для цитирования: Пашкова Е. В. «Мы возвращаем поэту его дом...» (О переписке В. Е. Евгеньева-Максимова и О. В. Ломан. Из собрания Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 1. С. 49–55. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.105.

References

- ИРЛИ (РАН). Ф. 719. Оп. 2. Ед. хр. 257 — *Arkhiv V. E. Evgen'eva-Maksimova* [V. E. Evgenyev-Maksimov's Archive]. Institute of Russian Literature (Russian Academy of Sciences). Rukopisnyi otdel [Manuscript dept.]. Fund 719. Inventory no. 2. Archival Unit no. 257. O. V. Lohman to V. E. Evgenyev-Maksimov. (in Russian)
- ИРЛИ (РАН). Ф. 719. Оп. 2. Ед. хр. 17 — *Arkhiv V. E. Evgen'eva-Maksimova* [V. E. Evgenyev-Maksimov's Archive]. Institute of Russian Literature (Russian Academy of Sciences). Rukopisnyi otdel [Manuscript dept.]. Fund 719. Inventory no. 2. Archival Unit no. 17. V. E. Evgenyev-Maksimov to O. V. Lohman. (in Russian)
- Кафедра истории журналистики 2006 — Zhirkov, G. V. (ed.). *Kafedra istorii zhurnalistiki: letopis' zhizni i deiatel'nosti* [Department of History of Journalism: chronicles of life and activity]. St. Petersburg, Roza mira Publ., 2006, 65 p. (in Russian)
- For citation:** Shashkova E. V. "We Are Returning to the Poet His House ..." (On the Correspondence of V. E. Evgenyev-Maksimov with O. V. Lohman. From the Collection of the Manuscript Department of the Pushkin House (Pushkinsky Dom), Russian Academy of Sciences). *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 1, pp. 49–55. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.105.

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2015 г.

Статья рекомендована в печать 29 апреля 2016 г.